

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Ч. АЙТМАТОВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ОШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Б. Н. ЕЛЬЦИНА**

Диссертационный совет Д 10.17.547

На правах рукописи
УДК 81'242(575.2) (043.3)

Зулпукарова Аида Капаровна

**АСИСТЕМНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В ЛИЧНО-ПРОНОМИНАЛЬНОЙ
ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКА**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Бишкек – 2019

Работа выполнена в Узгенском институте технологии и образования Ошского технологического университета.

Научный руководитель: **Ибрагимов Суюнбек**
доктор филологических наук, профессор
кафедры теории кыргызского и тюркских
языков БГУ им. Х.Карасаева

Официальные оппоненты: **Кадырбекова Памира**
доктор филологических наук, профессор, декан
факультета иностранных языков КНУ
им. Ж.Баласагына;
Садыкова Сымбат Зарылкановна
кандидат филологических наук, доцент, зам. директора
по науке и международным связям Института
лингвистики КГУ им. И. Арабаева

Ведущая организация: кафедра русского языка и литературы
Иссык-Кульского государственного
университета им. К.Тыныстанова,
адрес: 722200, г. Каракол,
ул. Абдрахманова, 103

Защита диссертационной работы состоится 01 марта 2019 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета Д 10.17.547 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) филологических наук при Институте языка и литературы имени Ч.Т. Айтматова Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Ошском государственном университете и Кыргызско-Российском Славянском университете имени Б.Н. Ельцина по адресу: г. Бишкек, проспект Чуй, 265а.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной библиотеке Национальной академии наук Кыргызской Республики (720071, г. Бишкек, пр. Чуй 265а) а также в научных библиотеках Ошского государственного университета (723500, г. Ош, ул. Ленина, 331), Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина (720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44), а также на сайте диссертационного совета (<http://dc-aytmatov-ilim.tk>).

Автореферат разослан 25 января 2019 г.

**Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник:**

Конурбаева Р.Э.

Общая характеристика работы

Актуальность темы данной работы обуславливается несколькими факторами: 1) важностью экстраполяции принципа единства системности и асистемности языкового знака на теорию личных местоимений для общей семасиологии; 2) неизученностью лично-местоименных, лично-предикативных, лично-посессивных и личных субъектно-объектных парадигм с точки зрения единства системных и асистемных свойств образующих их грамматических единиц и категорий; 3) отсутствием типологических и лингвоэтногенетических исследований функционально-семантического аспекта, парадигмо- и синтагмо-образующей специфики личных прономинативов и соответствующих аффиксов с точки зрения теории асимметрии языкового знака; 4) значимостью привлечения фактов из кыргызского языка с целью дополнительной аргументации идеи об эгоцентризме как инвариантном значении местоименных слов и аффиксов для кыргызского языкознания; 5) невниманием лингвистов-тюркологов, в том числе - кыргызоведов, к изучению асистемных, асимметричных и дефектных лично-местоименных парадигм в языках соответствующей группы; 6) возможностью переноса принципа асимметричности знака на исследование других классов морфем, лексем и синтаксем в языке.

В современном языкознании стало аксиомой положение о диалектическом единстве и взаимопроникновении системных и асистемных свойств языкового знака, о неразрывности и слитности соответствующих процессов в развитии и функционировании языка.

До недавнего времени язык определялся как «система систем», состоящая из многочисленных и разноуровневых, иерархически организованных подсистем. Системность признавалась и признается важнейшим свойством языка, отражающим его сущность и природу в целом. В языкознании появилось соответственно новое направление под названием системная лингвистика. А тезис о системной сущности языка, по словам Г.С.Зенкова, признавался важнейшим завоеванием лингвистики 60-х годов XX века. Системность, однако, сама по себе не существует без асистемности.

Необходимо отметить, что только учет противоречивого единства взаимодополняющих дихотомий «аналогия-аномалия», «системность-асистемность», «симметричность-асимметричность», «стандартность-нестандартность», «правильность-неправильность (соответствие-несоответствие правилу)», «регулярность-исключительность» и других обеспечит всестороннее описание языка как объекта лингвистики. Вторые компоненты этих антиномий тесно связаны с проблематикой асистемности языковых знаков.

Антиномия «системность-асистемность» многосторонне проявляется в парадигме, семантике, синтагмообразовании личных местоимений в языках различных типов. Инвариантным значением личных прономинативов считается эгоцентризм, основанный на дихотомии «Я - не-я», которая сама

построена асимметрично, хотя, конечно, идея об эгоцентричности местоименного значения нуждается в дальнейшем развитии и дополнительной аргументации. Личные прономинативы функционально соотносительны, этимологически связаны с личными аффиксами и вместе с ними они часто включаются в крупные типовые парадигматико-синтагматические образования с дефектным строением. Типовые лично-прономинальные концентры в целом симметричны, а обнаруживаемые в них отклонения, аномальные явления, мотивированные логически, разрушают единство модели и наглядно демонстрируют противоречивость признака «системность-асистемность» в парадигме. Все эти проблемы существенны для теории прономинативов и еще не были предметом специального изучения.

Связь темы с планами и программами научно-исследовательских учреждений. Работа является инициативной.

Цель работы - описание несистемных и аномальных свойств единиц лично-прономинальной парадигмы в языках различных типов.

Для достижения этой цели нами реализованы следующие **конкретные задачи**:

1) дать общее определение понятию «лично-прономинальная парадигма в языке»;

2) осуществить типологическую и сравнительную характеристику личных прономинативов в языках различного строя в плане аномальности их структуры и семантики с точки зрения носителей других языков и культур;

3) продемонстрировать основные пути возникновения «неправильных» схожестей, несистемных признаков, нестандартных элементов в лично-прономинальных парадигмах ностратических языков;

4) произвести сравнительный анализ лично-предикативной, лично-посессивной и лично-субъектно-объектной парадигм с личными местоимениями, показывая одновременно проявления в них антиномий «системность-асистемность», «симметричность-асимметричность» и «стандартность-нестандартность»;

5) разработать более современную модель лично-предикативной и лично-посессивной парадигм для тюркских языков (на примере кыргызского языка).

Научная новизна полученных в исследовании результатов: 1) предложено и обосновано укрупненно-синтезирующее определение лично-прономинальной парадигмы в языке; 2) осуществлена реконструкция архетипов прономинативов в ностратических языках; определены и описаны некоторые отклонения и аномальные явления в составе ностратических личных и указательных местоимений; 3) разработана модель образования неединственного числа личных и указательных прономинативов; 4) выявлена и охарактеризована зависимость структуры лично-прономинальной парадигмы, включающей в себя личные местоимения и соответствующие

аффиксы в составе словоформ, от принципа системности и асистемности языкового знака; 5) продемонстрировано влияние логики субъектно-объектных и посессивно-предикативных отношений на состав и полноту лично-прономинальной парадигмы языка; 6) выявлены существенные отклонения и аномальные факты в тюркском лично-предикативном и лично-посессивном словоизменении, разрушающие симметрию парадигм и объяснимые законом компрессии (экономии усилий).

Методы и методология исследования. Работа базируется на методологии и достижениях общего, сравнительно-исторического, типологического языкознания, ностратики, тюркологии и кыргызской лингвистики. Эмпирическая часть работы выполнена путем сбора, регистрации, классификации, систематизации, интерпретации фактов, а теоретическая ее часть - путем сравнения, сопоставления, моделирования, типологии, описания, реконструирования, анализа, синтеза и обобщения научно-практического материала. Эти методы иногда называются терминами «системный метод», «описательный метод» и т.д.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лично-прономинальная парадигма (ЛПП) является крупной лексико-грамматической единицей, включающей в себя личные местоимения и систему словоформ с личными аффиксами.

2. ЛПП имеет в целом системно-типовое устройство, установленное в теории языка. Однако факты конкретных языков и языковых семей не уместаются в рамки стандартной модели и нередко не соответствуют общепринятому каркасу парадигмы.

3. В языках мира элементы общей модели ЛПП подвергаются изменениям, которые разрушают ее целостность. Слияние элементов в одно или расщепление элементов на части являются двумя основными путями появления асимметрии в парадигме.

4. Переkreщивание семантики элементов ЛПП так же способствует возникновению аномальных и нетипичных соответствий в отдаленно родственных языках.

5. Общепринятые модели ЛПП не отражают всех возможных способов реализации и типов варьирования парадигмы.

Личный вклад соискателя. Выбор темы, планирование работы, сбор, классификация и описание материала осуществлены нами лично. В работе развиваются две идеи - идея об асимметрическом дуализме языкового знака (С.О. Карцевский) и понимание эгоцентризма как инвариантного значения лично-прономинальной парадигмы в языке (М.А. Атакулова). Коррекция отдельных частей работы и редактирование текста выполнены научным руководителем. Большинство публикаций осуществлено с участием соавторов.

Использование результатов исследования на практике. Материалы работы были частично использованы соискателем на практических занятиях

по английскому языку, когда сопоставляются личные местоимения и предикативные словосочетания английского и кыргызского языков (БатГУ, ОшГУ) и в курсе лекций по истории английского языка, когда говорится об исчезновении двойственного и единственного числа личного местоимения 2-го лица и замещении их прономинативом множественного числа (БатГУ).

Апробация результатов работы осуществляется с 2002 года. Результаты исследования отражены в 7 докладах на республиканских, межвузовских и университетских научно-практических конференциях, в монографии и 12 статьях, опубликованных в различных научных сборниках, журналах в республике и за рубежом.

Структура работы. Она состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении определяются актуальность темы, цель и задачи исследования, новизна полученных результатов, методологическая база, методы и выносимые на защиту положения, характеризуются теоретическое и практическое значение работы, личный вклад соискателя в исследование, апробация и использование полученных результатов на практике.

В главе 1 **«Идеи и принципы изучения эгоцентрического поля в языке (обзор концепций и подходов)»** излагаются методологические основы типологического и сравнительного языкознания.

1.1 Проблемы типологии личных местоимений в языке. Типология языков всегда была приоритетным направлением в языкознании. Этой проблеме посвящена огромная лингвистическая литература (И.И. Мещанинов, Л. Ельмслев, В. Таули, Дж. Гринберг, Р.О. Якобсон, Б.А. Серебренников, Вяч.Вс. Иванов, Б.А. Успенский, Э.А. Макаев, М.М. Гухман, В.Н. Ярцева, Т.В. Гамкрелидзе, Ж.Б. Буранов и т.д.). В языкознании появилось много трудов, в которых на конкретном материале демонстрируются принципы и методы типологических исследований.

Известно, что типологические исследования могут быть синхронно-типологическими, диахронно-типологическими, синхронно-диахронно-типологическими, сравнительно-историческими, сравнительно-типологическими и контрастивными. Синхронно-типологическое изучение языков ставит своей целью создание универсальной грамматики языка. Лингвисты определяют эту цель как конечный результат синхронно-типологического анализа языков мира (Б.А. Успенский, Э.М. Макаев, М.М. Гухман и др.).

В типологических исследованиях выявляются два типа универсалий:

- 1) общие законы – полные универсалии, касающиеся всех языков мира;
- 2) типы структур – неполные универсалии, используемые в большинстве языков для выражения того или иного содержания, общие для ряда (не для большинства) языков.

Диахронно-типологические исследования определяют типы языков с учетом истории, развития и контактов их носителей. Структурно-типологические и историко-типологические исследования различаются тем, что первые из них – синхронические, а вторые – диахронические, но также и тем, что первые основаны на сравнении разных языков, а вторые предполагают сравнение разных этапов одного языка (С.Д. Кацнельсон, С.Л. Быховская, А.В. Десницкая, В. Таули, К.Е. Майтинская и другие).

В параграфе **1.2 О составе лично-прономинальной парадигмы в языке** определяется парадигматическая сущность персональных прономинативов.

Личные местоимения обладают признаками парадигмы: во-первых, это некоторое множество лексем. Во-вторых, эти лексемы имеют общие черты, обладая абстрактным смыслом, обобщительностью, незакрепленностью за отдельными денотатами, семантической неустойчивостью, ситуативностью употребления, особой прагматичностью и тесной связью с актом речи, трехчленностью и т.д. В-третьих, они эгоцентричны: употребление любого из личных прономинативов передает позицию, отношение говорящего к собеседнику, к предмету и неучастнику разговора, к окружающему миру. В-четвертых, каждый из членов ЛМП специфичен, уникален, имеет свой контекст, свою ситуацию употребления, свое предназначение.

Под воздействием категории числа этот трехчлен удваивается. Каждый прежний член становится сочленом шестичленной парадигмы, приобретает признак «ед.ч.», в противовес своему «оппоненту» с признаком «мн.ч.». Первое лицо расчленяется на два первых лица, второе – на два вторых, третье – на два третьих. Первичная парадигма «1-ое лицо – 2-е лицо – 3-е лицо» преобразуется в производную парадигму из шести членов: «1-ое лицо ед.ч. – 1-ое лицо мн.ч. – 2-ое лицо ед.ч. – 2-ое лицо мн.ч. – 3-е лицо ед.ч. – 3-е лицо мн.ч.». В некоторых языках первичная парадигма утраивается, получив дополнительно признак «дв.ч.». В старославянском, древнегерманском, санскрите и других языках была именно девятичленная лично-прономинальная парадигма, которая впоследствии была утрачена.

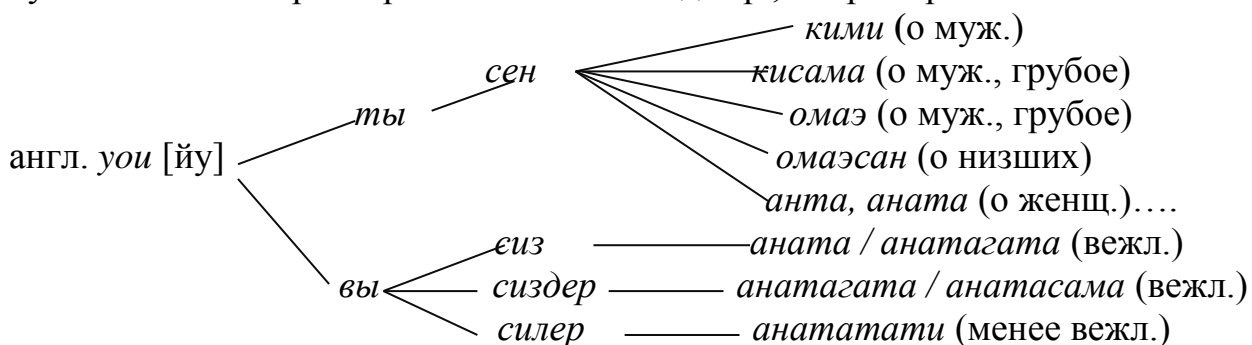
Число членов парадигмы ЛМ в языках мира колеблется от трех до ста. В языках, более известных нам, формы ЛМ ед.ч. противопоставляются формам мн.ч., что является наиболее распространенным фактом. Кроме двучленной системы числа в языках мира выявляются:

- 1) трехчленные: ед.ч. – дв.ч. – мн.ч.;
- 2) четырехчленные: ед.ч. – дв.ч. – тр.ч. – мн.ч.;
- 3) пятичленные: ед.ч. – дв.ч. – тр.ч. – четв.ч. – мн.ч. (в австронезийских языках на островах Гилберта и на Новых Гебридах). Следовательно, умножение 3 л. × 5 ч. = 15 дает нам немалое число признаков системы лица в этих языках.

Параграф 1.3 К типологии личных местоимений в языках различного строя посвящается характеристике основных типов лично-прономинальных парадигм.

Трехчленная лично-прономинальная парадигма стандартна, едина для всех языков мира, однако в целом ряде языков лексемы с признаком «3-е лицо ед. и мн.ч.» проявляют многообразие в материально-смысловом плане, выходят за рамки ожидаемой системности, не уместаясь в ее «прокрустово ложе».

Известно, что специалисты по прономинальной теории резко противопоставляют 1-ое и 2-е лица 3-му лицу на том основании, что, во-первых, 1-ое и 2-е лица непосредственно участвуют в общении в ролях говорящего и слушающего, пишущего и читающего; во-вторых, они в живом общении часто меняются ролями: говорящий становится слушающим, слушающий – говорящим и, в-третьих, между ними и третьим лицом контакт часто может отсутствовать. Однако есть лингвисты, которые стремятся доказать промежуточный характер 2-го лица, которое играет роль посредника между самым субъективным 1-ым и самым объективным 3-им лицом. Во многих языках мира только во 2-ом лице возможна дифференциация лиц по категориям «вежливый-невежливый», «уважительный-пренебрежительный» и т.д. Ср., например:

Как известно, в японском языке 2-ое металицо представлено сложно, имеется более 50 местоимений 2 л. В нем действуют оппозиции: «высший – равный – низкий», «свой – чужой», «мужчина – женщина», «старший – младший».

1.4 Происхождение персональных прономинативов как объект сравнительно-типологического языкознания. Эта проблема исстари привлекала внимание историков и теоретиков языка (К. Бругман, Б. Дельбрюк, К. Бюлер, А. Мейе и др.). По данному вопросу существует несколько точек зрения: 1) признание первичности ЛМ в языке; 2) признание первичности УМ (указ. мест.) в языке; 3) мнение о вторичности ЛМ и УМ относительно первичных дейктических частиц; 4) предположение об этимологической идентичности ЛМ и УМ, лично-указательных и указательных местоимений. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой все экспоненты эгоцентрического поля восходят к древнейшим дейктическим частицам и в дальнейшем развитии стали дифференцироваться

по формуле «Я – не-я », различая сферы говорящего, слушающего и неучастника.

Параграф 1.5 О степени изученности личных местоимений в типологическом и сравнительно-историческом языкознании содержит обзор исследований по типологической, сравнительной и сопоставительной лингвистике. В нем перечисляются персоналии тех лингвистов, труды которых послужили теоретической и фактологической основой работы: 1) по индоевропеистике (А. Мейе, Э. Прокош , В.М. Жирмунский, К. Бюлер, В. Краузе , В.Я. Мыркин, О. Есперсен, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, Д.И. Эдельман, В.С. Воробьев-Десятовский и др.); 2) по семитохамитским языкам (Б.М. Гранде, Ю.Н. Завадовский, И.М. Дьяконов, Д.В. Фролов, М.А. Смирнова и др.); 3) по дравидийским языкам: работы М.С. Андропова; 4) по тюркским языкам (М.А. Атакулова, Ф.Д.Ашнин, Н.А. Баскаков, Г.Ф. Благова, Н.К. Дмитриев, Н.П. Дыренкова, С.А. Джафаров, Ф.Г. Исхаков, М.А. Хабичев, А.Н. Кононов, С. Кудайбергенов, А.П. Поцелуевский, Э.Р. Тенишев, Э.В. Севортян и др.) где освящаются общие вопросы; а проблематика спряжения – лично-предикативного и лично-посессивного – специально изучается в других исследованиях тюркологов; 5) по иберийско-кавказским языкам (Ю.Д. Дешериев, Н.В. Чанишвили, Н.В. Яковлев, Д.А. Ашхамаф, Е.А. Бокарев, М.А. Кумахов, А.Г. Мартиросов и др.); 6) по уральским языкам: работы К.Е. Майтинской; 7) по китайско-тибетским языкам (В.М. Солнцев, Е.И. Шутова, И.Т. Зограф, К. Зулпукаров и др.).

Значительная часть фактического материала была взята из монографий П. Форхеймера и К.Е. Майтинской, а также из пятитомника «Языки народов СССР» и книги «Тюркские языки».

Сопоставительно-типологическая часть работы выполнена с учетом материалов и положений, содержащихся в исследованиях: 1) по общей типологии и теории универсалий (И.И. Мещанинов, Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс, Э.М. Макаев, В.Н. Ярцева, Р.О. Якобсон, Г. Хёнигсвальд, Ч.Ф. Хоккет, С. Ульманн, В. Скаличка, Дж. Буранов, Г.А. Климов, М.М. Гухман и др.); 2) по частной типологии и сопоставительной грамматике языков (Е.Д. Поливанов, А.В. Исаченко, О.В. Захарова, З.К. Дербишева, В. Скаличка, М.Дж. Тагаев, Н.А. Уринбаев, К.С. Чонбашев, К.З. Зулпукаров и др., в которых сопоставляются разные неродственные языки и обсуждаются проблемы соответствий в них местоименных слов).

В работе есть параграфы, где приводятся факты, подтверждающие принадлежность ряда языковых семей к ностратическому праязыку (А.Б. Долгопольский, В.М. Иллич-Свитыч и др.)

При определении системности-асистемности и трансформируемости языкового знака существенную роль сыграли труды В.И. Кодухова, В.М. Солнцева, С.Дж. Мусаева, В.Н. Садовского, Г.П. Мельникова и др.

В параграфе **1.6 Антиномия «системность-асистемность» в языке и языкознании** демонстрируется единство симметричности и

асимметричности в языковых единицах и парадигмах. На материале различных языков показано, что персональные прономинативы и аффиксы одновременно системны и асистемны, что подтверждает справедливость замечания Г.П. Мельникова: «в языковых структурах постоянно обнаруживаются различные асимметричности и «пустые клетки», в той или иной степени обусловленные субстантивными особенностями языка».

Глава 2 «Проблемы происхождения личных местоимений и аффиксов в ностратических языках (материалы и методы исследования)» посвящается реконструкции архетипов персональных прономинативов в языковых семьях Евразии и Северной Африки.

В параграфе **2.1 Методы лингвотипологии и компаративистики, используемые в исследовании** характеризуются методы и приемы восстановления праформ личных местоимений и личных аффиксов в сравниваемых языковых семьях. В работе использованы эмпирические методы: сбор, фиксация и систематизация личных местоимений различных языков, разгруппировка, классификация и интерпретация соответствующих фактов, выделение, развитие и дополнительное обоснование тех или иных наблюдений типологов и компаративистов, каталогизация фактов, идей и принципов изучения средств выражения лица в языке и т.д. Кроме того, в процессе исследования были использованы приемы и процедуры генетической типологии, метода реконструкций, структурной типологии, а так же элементы категориального, дискретного, компонентного, контекстного анализа. Часть исследования выполнена с помощью методов сравнения, сопоставления, синтеза и обобщения лингвистических фактов.

Параграф **2.2 К вопросу о реконструкции пракорня личного местоимения первого лица единственного числа в ностратических языках** имеет целью восстановить архетип личного местоимения 1 л. ед.ч. Собранный в работе материал, а также данные специалистов по ностратике (В. М. Иллич-Свитыч, А. Б. Долгопольский, В. А. Дыбо, И. И. Пейрос, Е. А. Хелимский, С. А. Старостин и др.) позволили представить эту праформу в виде **mi* «я».

Рефлексы пракорня **mi* в языках Евразии. Данная праформа не является «окостенелой» и допускает морфонологические изменения, чередования, а также подвергается различным преобразованиям под воздействием распространенных в языках мира фонетических процессов – ассимиляции, диссимиляции, эпентезы, диерезы, метатезы, эпитезы и т.д. Поэтому в ностратических языках мы встречаем разнообразные виды ее трансформ: 1) *mi/me/ma; bi/be/ba; vi/ve/va; fi/fe/fa...*; 2) *-m/-b/-v/-f...*; 3) *m-/b-/v-/f-...*; 4) *im/em/am; ib/eb/ab; iv/ev/av; if/ef/af...*; 5) *min/men/man; bin/ben/ban; vin/ven/van; fin/fen/fan...*; 6) *nim/nem/nam; nib/neb/nab; niv/nev/nav; nif/nef/naf...* Конечно, этот список может быть продолжен. Все варианты в той или иной форме встречаются во всех языках. Часть из них, например, представлены только в тунгусо-маньчжурской группе алтайской семьи языков: 1) личное местоимение 1 л. ед. ч. *би/ми* «я» (в им.), *мин-*, *мим*, *-ми-* (в

косв. п.); 2) притяжательный аффикс с вариантами: *-м*, *-у*, *и-*, *-в*, *-ф*, *-би*, *-ви*, *-ми*, *-бу*, *-ву*, *-му*; 3) глагольный аффикс 1 л. ед. ч.: *-ми*, *-би*, *-ви*, *-в*, *-м* и др. Для нас представляется одинаково ценным любой из этих вариантов в значении 1-го лица ед.ч., в любой форме падежа, в любом значении – субъектном, объектном, притяжательном и т.д. В одном кыргызском языке – мы встречаем некоторые варианты этой праформы: *мен* (им. п.), *ма-га/ма-ңа/маа*, *-м/-мын* (*барам/барамын* «пойду»), *-м/-мин* (*келгем/келгенмин* «я приходил» с выкидкой звука *-н* в основе и звуко сочетания *-ен* в аффиксе первого варианта, который подвергнут двойной диерезе).

Приведем примеры из разных языковых семей: 1) и.-е. яз.: лат. *те* «меня», гот. *тiк* «меня», санскр. *-тi* «я», греч. *-тi* «я» и др.; 2) картв. яз.: груз. *те* «я», сван. *тi* «я» и др.; 3) алт. яз.: тюрк. *мен/мин/мән* «я»; монг. яз.: *мин-* в дагур., бурят., калм., могол. и других языках в род.п.; *ми/би* «я» в эвенк., ороц., удэг. и других языках; 4) урал. яз.: коми-перм. *ме*, хант. *ма/ман*, нен. *мань* «я» и т.д.; 5) сем.-хам. яз.: фул (хамит. гр.) *тiп* «я», суахили *тiтi* «я», зулу *тiпа* «я, меня» и др.; 6) палеоаз. яз.: юкагир. *мэ-* «я», чук.-камч. яз.: ительм. *-мма*, *-мм* «я», коряк. *-mmo*, *-м* «я»; эскимос. *-м* «я» в субъектно-объектном спряжении.

В ностратических языках встречаются и другие рефлексy данного пракорня: 1) и.-е. яз.: цыган. *-ва* «я», кховар *awa* «я»; 2) сем.-хам. яз.: хауса (чад. гр.) *-wa* «я»; 3) хурр.-урарт. яз.: хурр. *-iww/-if* «мой»; 4) драв. яз.: брагуи *-v/-iv* «я»; 5) сино-тибет. яз.: кит. *во* «я», дунг. *вэ* «я»; 6) кавк. яз.: др.-груз. *v-ar* «есмы», *x-ar* «еси»; 7) алт. яз.: тюрк.: тур. *бен*, чув. *епе* «я»; монг.: бурят., калм., дагур., могол. *би* «я», баоан. *бэ* «я»; тунг.-маньч.: эвен., эвенк., негид., удэг. и другие *би* «я»; 8) урал. яз.: энец. *-бь* «я», селькуп. *-м/-п* «мой, я».

Праформа **ti/ni* представлена в следующих примерах: 1) урал. яз.: венг. *еп* «я»; 2) сем.-хам. яз.: аккад. *-ni* «я», сомали *ана/ани* «я»; 3) дравид. яз.: *ān* «я» в языках ката, колами, найки, гадаба и др.; 4) палеоаз. яз.: эскимос. *-н'а* «я», алеут. *-н'* «мой» и др.; 5) сино-тибет. яз.: бирм. *нга* «я»; 6) кавк. яз.: лак. (дагест. гр.) *на* «я», даргин. *ну* «я» и т.д.

Как видим, реконструируемая праформа подвергалась различным трансформациям в результате действия различных фонетических процессов – чередования, эпентезы, диерезы, метатезы и др.

В параграфе 2.3 Из материалов к реконструкции архетипов ностратических личных местоимений второго лица единственного числа рассматриваются современные рефлексy пракорней **ti*, **si*, **ni*, **ki* и др.

Рефлексy пракорня **si* представлены в трансформах *si/se/sa/so/ši/še/ša/šo/či/če/ča/čo/zi/ze...*, *sin/sen/šen/šon/čen/čon/s/š/č/z* и т.д.: 1) урал. яз.: эст. *sina* (ударн.), *sa* (безуд.), карел. *šie*, вепс. *sinä*, вод., ижор. *siä*, лив. *sina/sa*, саам. *sonn*; в эрзя и мокш. яз. *сон* «он, она»; 2) алт. яз.: тюрк. *сен/син/сән* почти во всех языках; в формах лично-предикативного спряжения: *-сың/-сиң/-суң/-суң/-саң/-сан/-сун/-заң/-зың/-зуң/-ca/-c.*; монг.: бур., дагур. *ши*, в классич., халх., ордос., калм., могол. *чи* (в род.п. *шин-*, *чин-*, в прочих падежах *шам-*, *чим-*, *чам-*); тунг.-маньч.: эвенк., негид., ульч., удэг. *си*, нан., ороц. *сии*, орок.

си/сии (*син-, сим-*) и др.; 3) и.-е. яз.: санск. *-si* «ты», авест. *-si* «ты», арм. *-s* «ты», рус. *-шь* «ты» и т.д.; 4) кавк. яз.: сван. *si*, чан. *si/sin*, груз. *šen*; 5) шумер. яз.: *ze* «ты»; 6) драв. яз.: брагуи *-s/-is* «ты»; 7) ср.- кит. *цин, цзы, цзюнь* «Вы» (ед.ч., почтительно, по данным И.Т. Зограф).

Рефлексы пракорня **tu* встречаются в виде *tu/ti/te/ta/to/du/di/ de/da/do/t/d* и т.д.: 1) и.-е. яз.: укр. *ти*, др.-в.-нем. *du*, греч. *tu/du*, арм. *dow*; 2) урал. яз.: саам. *tonn* «ты» (*soon* «он, она»), эрзя, мокшан. *мон*; 3) сем.-хам. яз.: др.-егип. *tw* (муж.), *tn* (жен.); сомали (кушит. гр.) *ada/adi* «ты»; 4) палеоз. яз.: юкагир. *тэт* «ты» при *мэт* «я»; 5) драв. яз.: аффикс *-t* «ты» в паржи: *verm-t* «приходишь» при *verm-en* «прихожу».

Рефлексы пракорней **ki/hi* и **ni* также имеют различные трансформы и легко возводятся к единым архетипам.

Итак, мы привели сравнительный материал из разных языковых семей Евразии, который с большей долей вероятности доказывает, что в них в определенный период их общего развития существовало несколько корней, рефлексы которых дошли до нашего времени в различных вариантах и вариациях.

В параграфе **2.4 Архетипы лично-указательных и указательных местоимений и их современные рефлексы** восстанавливаются праформы ЛМ 3 л. Есть основания считать, что личные прономинативы 2-го и 3-го лица имеют тесную этимологическую связь.

Пракорень на **t-* представлен в примерах: 1) алт. яз.: тюрк. *-m, -ды, -ди* «он, она»; монг (бурят., калм. и др.). *тэ-* «тот, та, то; он, она, оно»; тунг.-маньч. *mi-, тэ-* «тот, та, то, те; он, она, оно, они»; 2) и.-е. яз.: слав. *-m* (3 л. ед.), *m-* (указ.); иран.: авест. *-ti*, согд. *-ti, -t*; инд.: санскр. *-ti*; герм.: др.-в.-нем. *-t* (3 л. ед.), *d-* (указ., 3 л. ЛМ); роман.: лат. *-it* (3 л. ед.); 3) урал. яз.: венг. *to-, ta-*, манс. *to-*, коми *ti-*, удм. *tu-*, мар. *tu-*, морд. *to-*, фин. *tuо-*, саам. *to-* «тот, та, то, те» и т.д.; 4) драв. яз.: кода, парджи. *-d*, тогда *-t*, конда *-at* «он, она, оно»; 5) сем.-хам. яз.: др.-егип. *-t* «его», хауса (чад. гр.) *-ta* «его, её»; 6) кавк. яз. (дагест.): даргин. *ит* «он, она, оно; тот, та, то»; 7) сино-тибет. яз.: кит. *ta* «он, она, оно» и прочие.

Рефлексы пракорня *el-/al-* в значении 2 и 3 л. ед.ч. встречаются в романских, дардских, славянских языках индоевропейской семьи, в тюркских языках алтайской семьи, в дагестанских, дравидийских, уральских, эскимосско-алеутских, юкагирском и прочих ностратических языках.

Рефлексы пракорня **s-/š-/z-* в значении лично-указательного и указательного местоимения представлены в семито-хамитских, дравидийских, алтайских, индоевропейских, уральских и кавказских языках.

Рефлексы же пракорня **k-/g-/h-* представлены ограниченно. Их мы встречаем в тюркских, монгольских и корейском языках, дравидийских, кавказских, индоевропейских, а также в эскимосско-алеутских и других палеоазиатских языках.

Параграф **2.5 О путях образования форм личных местоимений неединственного числа** ставит своей целью доказать лингвогенетическую

мотивированность семантики личных местоимений двойственного и множественного числа, имеющих семы «я и ты», «я и она» и т.д., в ностратических языках.

*mi + *s- // bis/mis/nis. Сочетание **mi* «я» с данными местоименными корнями с обобщенным значением «не-я», т.е. «ты», «это», «он», «она», «тот» и др., вероятно, образовало местоимение 1 л. мн. и дв. числа или с инклюзивным и эксклюзивным значениями. Ср.: и.-е.: др.-прус. *mes*, лат. *-mes*, греч. дор. диал. *-mes*, лит. *mėš*, арм. *mez-* в косв.п., санскр. *nas*, лат. *nos*, общеслав. *nas* (мн.ч.) в косв. п., гот. *veš*, санскр. *-vas* в дв.ч.; тунгус.: маньч. *мусе*; урал.: мордов. *-муз* в объектн. спряж., удмурт. *-меос*, ср.: *ас-меос* «мы сами», *ас-им* «я сам»; чук.-камч.: ительм. *муза, музан*; эск.-алеут.: алеут. *-мас* «мы, нас, наш»; тюрк.: хакас. *нис*, тувин. *бис*, узб. *-миз*, ср.: *узи-миз* «мы сами», *узи-м* «я сам»; дагест.: даргин. *нуша*, удин. *-беши* в личн.спряж.; хуррито-урарт.: хурр. *-iwwaz, -ifaz* «наш», урарт. *-vše* «мы».

*mi + *t- // bit/mit/nit. Это формула представлена в языках: и.-е.: греч. *-meda*, авест. *-maide* (рус. *-мме* «мы» - новообразование, но подчиняется общей закономерности), гот. *vit*, др.-англ. *bit* в дв.ч., литов. *vedu* в дв.ч., нем. *-nd*, ср. нем. *zi-nd* с лат. *si-tus* «мы есme»; монг.: дунсян. *матан*, дагур. *бед*, монг. *бид*; калм. *мадн, бидн, -мдн*, баоан. *беде* в инкл. значении; тунг.: негид. *битта, бутта*, эвенк. *мит, мут*; тюрк.: якут. *-бит, -бут...* «мы, наш»; чукот.-камч.: коряк. *мут-*, чукот. *мут-, мутре-*; урал.: энец. *-бид* в дв.ч., *-бад* во мн.ч., селькуп. *-мит, -мут*; дравид.: гонди *аммат* в экскл. знач.; юкагир. *мит*, шумер. *-енден*; эск.-алеут.: эск. *-мт-, -мта, -бит, -пут* и др. Ср.:

эск. *пана-н* «твое копьё»

якут. *дьие-н* «твой дом»

пана-вут «наше копьё»

дьие-бит «наш дом»

*mi + *r- // bir/mir/nir. Сем.-хамит.: чибак *tur* в инкл. знач., марги *тер* в экскл. знач.; и.-е.: др.-исланд. *ver*, др.-в.-нем. *fir*; чукот.-камч.: чукот. *мури*, алютор. *мури, муриви*; дравид.: куви *māro* в инкл. знач.; тюрк.: чуваш. *епир* «мы», *пире* «нам», *-мър, -нър* «наш», ср.: *ха-мър* «мы сами», *ха-м* «я сам»; корейск. *ури* «мы», по Г. Рамстедту, из **зури*; нивх. *мер, мир* в инкл. значении.

Точно так же арм. *тек, -нк*, др.-перс. *-таhi* «мы» легко сближаются с ливх. *мег*, норв.-лапл. *-мек*, нен. *-ваг*, венгер. *-нк, -тк* «мы, наш», с чукот. *-мук* «нас» в объектном спряжении, с *-наг* «наш» в языке шильх сем.-хамит. семьи.

Сочетание местоименных формантов со значением «не-я» между собой привело к образованию местоимений 2 и 3 л. мн. и дв. числа, указательных местоимений мн. и дв. числа.

*t- + *t-. И.-е.: санскр. *-tad*, драв.: конда *tder*, монг.: калм. *тадн*, могол. *тот, мод*, урал.: мордов. *-тадо*, карел. *-тта* «вы»; юкагир. *тит* «они».

*t- + *s-. И.-е.: лат. *-tis*, санскр. *-thas*, майон, панджаби, пахари *тус*; монг.: монгор. *таса, тасге*; дравид.: тода *-tš*; чук.-камч.: ительм. *туза, тузан*; урал.: удмурт. *-теос*, эрзян. *-дуз*, мокш. *-даз* «вы»; санскр. *-tas* в дв.ч. «они», в жончичальском диал. вайгали *tēse* «они» при *сə* «он, она».

*t- + *n-. И.-е.: в диалектах бенгали *tonne*, хетт. *-teni*, вед. *-tana*, седеи *-idin*, семнан. *-tun*, сулеймани *-tän*, тадж. *-мон*; сем.-хам.: аккад. *attuni* в муж.р., *attina* в жен.р., сомали *idin, adin, audin*; урал.: венг. *tün-*, саам. *tin-* во мн.ч., *tongi* в дв.ч., мордов. *тин*; монг.: бурят., калм. *тан-*, в торгут. говоре калм. яз. *танр, тансуд* «вы»; тунг.: эвенк. *-тын*, негид. *-тун*; урал.: манс. *тен, тин*, хант. *тин* в дв.ч., манс. *тан* во мн.ч.; эск.-алеут.: эским. *-тын* в объект. спряж.; и.-е.: маратхи *tvan-* в косв.п. «они». Ср. калм. *ах-м* «мой брат» и *ах-тн* «ваш брат».

*t- + *k-. И.-е.: армян. *dik*; картв.: груз. *tkven*, мегр.-чан. *tkvan*; урал.; общеурал. **тек* в реконструкции Б.А. Серебренникова, ливх. *mëg*, норв.-лапл. *-дек*, венг. *-тек* «вы, ваш», ср. эрзян. *кудо-т* «твой дом» и *кудо-тк* «ваш дом»; чукот.-камч.: чукот. *-тык* в объектном спряжении, ср.: *нэ-льу-тык* «они увидели вас» и *нэ-льу-мык* «они увидели нас».

*t- + *r-. И.-е.: др.-исл. *-der* «вы», бенгали *torā* уничтожит. «вы», тохар.А *-tär* «вы»; чукот.-камч.: чукот. *тури* «вы»; др.-исл. *deir*, др.-швед. *der/dir* «они».

*c- + *c-. Тюрк.: бараба *сис*, татар. *сез*; чукот.-камч.: вост. ительм. *сузе* «вы»; урал.: удмурт. *соос, -сеос*, эрзян. *-сузь*, мокшан. *-сазь* «они»; и.-е. **суес* «вы, они» в реконструкции В.Я. Мыркина.

*n- + *c-. Тюрк.: азерб. *-ныз* «вы, ваш», дагест.: авар. *нуж* «вы», шумер. *-ензен* «вы»; эск.-алеут.: алеут. *-нис*; и.-е.: оскско-умбр. *-ns* «они».

Мы считаем, что личные прономинативы дв. и мн.ч. произошли из сочетаний местоименных единиц 2 и 3 л. ед.ч.

В параграфе 2.6 **Перекрещивание как один из способов звукового и семантического развития ностратических прономинантов** приводятся аргументы в пользу гипотезы о ностратической принадлежности северокавказских языков. В работе выдвигается положение о наличии в языках перекрестного развития семантики слов. Семантическое перекрещивание встречается в употреблении близких или тождественных по смыслу морфем и слов в языке. Для иллюстрации этого явления приведем примеры:

перс. *asur* «бог» $\times$ *dev* «демон» кит. *ha ma* «лягушка»
 инд. *dev* «бог» $\times$ *asur* «демон» кирг. *ба ка* «лягушка»

Общеалтайское слово со значением «зима» в корейском получило значение «осень», а слово со значением «осень» - значение «зима» (Е. Д. Поливанов). В тохарских языках «на 3 лицо было перенесено индоевропейское окончание 2 ед. **-si*, на место которого в свою очередь встало окончание 2 ед. перфекта **tha*» (В. Краузе). Сравнение лично-предикативных форм ряда современных индийских языков с санскритом показывает наличие «перекрестного» (а) и «параллельного» (б) развития их семантики:

а) санскр. *-mi* «я» $\times$ *-si* «ты» б) санскр. *-mi* «я» *-si* «ты»
 синдхи *-sě* «ты» $\times$ *-m* «я» цыган. *-m* «я» *-s* «ты»

Как видно, цыганские флексии сохранили древнеиндийские значения, а лично-сказуемые флексии синдхи демонстрируют возможность «перекрестного» развития семантики.

Незнание этого явления привело некоторых лингвистов к опровержению ностратической гипотезы на материале личных местоимений (Л.Г. Герценберг, А.Н. Савченко, К.Е. Майтинская и др.). Из литературы давно известно, что во всех языках Северной Евразии признаком 1 л. ед. выступает архиморфема **mi* «я», признаками 2 л. ед. ч. морфемы **ti*, **si*, **ki* «ты». Противники ностратики обычно ссылаются на корневые морфемы личных местоимений в нахско-дагестанских языках, в которых, наоборот, основы на **m-* указывают на 2 л. ед., основы на **s-*, **t-*, **r-*, **k-* – на 1 л. ед.

В свете «перекрестных» соответствий данный факт может только дополнительно обосновать ностратическую гипотезу и расширить географию родственных языков Евразии. И здесь мы обнаруживаем примеры «перекрестного» (а, в) и «параллельного» (б, г) развития семантики:

- а) ностр. **mi* «я» — даг.: анд. *din/den*, багв. *den*, авар. *ton* «я»
*ti «ты» — даг.: анд. *min/men*, багв. *te*, авар. *mun* и т.д. «ты»
- б) ностр. **mi* «я» — тадж. *man*, удм. *ton*, мар. *min*, юкагир. *me-* «я»
*ti «ты» — тадж. *tu*, удм. *ton*, мар. *tin*, юкагир. *te-* «ты»
- в) ностр. **mi/vi* «я» — даг.: цахур. *zu*, лезг. *zun*, будух. *zen* «я»
*si/zi «ты» — даг.: цахур. *vu*, лезг. *vun*, будух. *ven* «ты»
- г) ностр. **mi/bi* «я» — сван. *mi*, эвенк. *vi*, *min-*, тур. *ben*, кит. *wǒ* «я»
*si/zi «ты» — сван. *si*, эвенк. *si*, *sin-*, тур. *sen*, кит. *qīng* «ты»

Наш вывод подтверждается идентичностью происхождения **-н** в этих местоимениях и соответствием корней указательных местоимений в дагестанских и собственно ностратических языках.

Данное выше предположение подтверждается также контрастностью значений признаков 1 и 2 л. мн. при тождественности звукового облика:

1. Маньч. *musa*, узб. *-miz*, алеут. *-mas*, ительм. *muza*, греч. (дор.) *-mes*, лат. *-mus*, др.-прусс. *mes*, литов. *mes* «мы» — дагест.: цез. *mezi*, хварш. *mizo*, гинух. *mezi*, бежит. *mize* (в род.п. *mizol*), гунзиб. *mize* «вы».

2. Латин. *nos*, гот. *uns*, *unsis*, хетт. *anzaš*, ст.-сл. *nas* «нас» - дагест.: авар. *niž* «вы».

3. Санскр. *-vas* (дв.ч.), тохар. *vas/ves*, хетт. *ves*, гот. *veis*, хуррит. *-iwwaz*, тюрк. *biz*, *bis*, *pis* «мы» - дагест.: тинд. *vissa*, анд. *bissil*, ботл., багв. *bišti*, каратин. *bišdi* «вы».

4. Могольск. *bida*, бурят. *bide*, дагур. *bed*, др.-анг. *vit* (дв.ч.), литов. *vedu* (дв.ч.) «мы» - дагест.: чамал. *biti*, годобер. *bitte* «вы».

5. Др.-егип. *-vin*, хетт. *-veni*, эвенк. *-vun* «мы» - дагест.: крыз. и будух. *bin*, удин. *valn/efaln* «вы».

6. Общеиндоевроп. **sūes*, вост.-ител. *suze*, тюрк. *siz*, *sis* «вы» - дагест.: чамал. *issi*, ахвах. *issi* (в род.п. *essebi*) «мы».

7. Нивх. *čín*, тунгус. *syn-*, *-sun* «вы» - дагест.: лезгин. *čín*, агульск. *sin*, крыз., будух. *žin* «мы» (экскл.).

8. Селькуп. *-li, -lui*, камас. *-lui* «вы» (дв.ч.) - дагест.: ботлих. *illi*, годобер. *ille*, багв. *illli* «мы» (инкл.).

9. Аккад. *-kunu* (муж.), *-kina* (жен.), кет. *ъkn, ъkna-* «вы» - дагест.: агульск. *klin*, хиналуг. *klin* «мы» (инкл.) и т.д.

В приведенных выше примерах знак [И] является эквивалентом соответствующей буквы в алфавитах дагестанских языков.

Данные сближения самодостаточны для выдвижения гипотезы о «перекрещивании» значений местоименных корневых морфем. Они дополнительно могут быть обоснованы с точки зрения единства происхождения личных и указательных местоимений. Эту идею подтверждают сходство и этимологическая идентичность личных и указательных прономинативов. Указательные местоимения агульского языка в звуковом отношении и семантически соотносительны с личными местоимениями индоевропейских (санскрит) и уральских (коми) языков:

Агульский язык	Коми	Санскрит
<i>me</i> “это”	<i>me</i> “я”	<i>me</i> “мне” (энкл.)
<i>te</i> “то”	<i>te</i> “ты”	<i>te</i> “тебе” (энкл.)

Есть основания предположить, что ностратические основы личных местоимений употреблялись в общедагестанском (может быть, в северокавказском) праязыке в первоначальном значении до обособления переходных глаголов и, следовательно, до возникновения эргативного строя предложения. Известно, что даже кыргызские личные местоимения в различных контекстах меняют свои первичные значения и приобретают совершенно противоположные: ЛМ 1 л. ед. указывает на 2 л. ед. или на 3 л. ед. и, наоборот, ЛМ 2 л. ед. или 3 л. ед. получает способность указывать на говорящее лицо.

Глава 3 «**Единство симметричности и асимметричности в личных прономинативах тюркских языков (результаты собственных исследований)**» имеет более узкий объект и рассматривает факты тюркских языков.

В параграфе 3.1 **Эгоцентризм как категориальное значение лично-прономинальной парадигмы в языке** излагаются основные положения теории эгоцентрического поля в языке, которая восходит к лингвистической концепции К. Бюлера.

Говорящее лицо является центром речевых актов не только в диахронии, в глоттогенезе, является им и в синхронии. Оно есть исходный пункт в пространственной оси «Я – не-я». Любое речевое произведение базируется на пространственных восприятиях и ориентациях. Дихотомия «Я – не-я» была, вероятно, основой элементарного противопоставления древним человеком говорящего неговорящему, слушающего неслушающему, близкого дальнему и т.д. и, усложняясь, конкретизируясь и разветвляясь, преобразовалась в более развитые оппозиции типа «здесь – там», «вот это – вот то», «видимое – невидимое», «присутствующее – отсутствующее» и под.

Личные прономинативы находятся в центре эгоцентрического поля. Ядро этого поля ЛМ 1-го лица ед.ч. (в русском языке *я*, в китайском *во*, в турецком *вен* и т.д.). Все местоименные слова выступают в качестве составляющих данного поля. Его ядром является говорящий, которого называют 1-ым лицом или производителем речи.

Всем местоимениям свойственно категориальное значение – эгоцентризм (М. А. Атакулова). Этим они противопоставлены всем прочим частям речи. Если категориальным называется то общее значение, которое свойственно целому классу языковых единиц, то в качестве категориального значения эгоцентризм обобщает, характеризует и объединяет в своих пределах весь класс прономинативов языка. Эгоцентризм является инвариантным значением субстантивных, адъективных, квантитативных, процессуальных и адвербиальных прономинативов в языке.

Параграф 3.2 **Об образовании личных местоимений множественного числа в тюркских языках** тесно связан с параграфом 2.5. В нем на материале тюркских языков развивается идея о возникновении персональных прономинативов мн.ч. в результате сочетания прономинативов ед.ч. В тюркологии разработано 9 моделей образования ЛМ мн.ч.

1. По предположению А. А. Поцелуевского, ЛМ мн.ч. образовано путем сочетания начальных звуков ЛМ 1 и 2 л. ед.ч.: *м-* + *с-* = *бис* «мы», *с-* + *с-* = *сис* «вы». Так представляют происхождение ЛМ мн.ч. Г. И. Рамстедт и Б. Мункачи.

2. По мнению А. фон Габэн, в тюркском праязыке (алтуркиш) существовало две группы корневых морфем: ед.ч. **би* - **си* - **о* ; мн.ч. **биз* - **сиз* - **олар*, которые были первичными для всех тюркских языков. Присоединение к ним дейктических элементов *н* и *л* привело их к переогласовке и современному состоянию.

3. Следующее предположение высказано А. М. Щербаком. Модель местоименных архетипов в представлении этого тюрколога выглядит следующим образом: ед.ч. **пән* – **сәң* – **ын/ан*; мн.ч. **нис* – **сис* – **анлар* и отличается заметной искусственностью и недостаточной мотивированностью фонологической системой тюркских языков.

4. Данная гипотеза была выдвинута В. Котвичем. Систему праформ тюркских местоимений он представил в следующем виде: ед. ч. *мә/би/ми(н)* – *сә/си(н)* – *ә/и(н)*; дв. ч. *биз* – *сиз* – *из*; мн.ч. *ба/ма(н)* – *са(н)* – *ан*. В ней не аргументирован вывод о девятичленности парадигмы и первичности звука *ә* в тюркских языках.

5. Архетипы ЛМ тюркских языков представлены Н. А. Баскаковым в следующем виде: ед.ч. *би* – *си* – *ол*; мн.ч. *биз* – *сиз* – *олар*. Эти ЛМ, по его мнению, произошли из сочетаний *бу* + *нене* = *мен*, *со* + *нене* = *сен* и т.д.

Кроме этих моделей, учеными-тюркологами были выдвинуты еще несколько гипотез: предположения Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой (6), Ф. Г. Исхакова (7), О. Бётлингга (8), Ф. Д. Ашнина (9). В нашей работе

получило дальнейшее развитие и дополнительное обоснование предположение О. Бётлингга и А. А. Поцелуевского.

В параграфе **3.3 Корреляция системности и асистемности в тюркском лично-предикативном словоизменении** продемонстрировано, что кыргызская морфология, написанная по образцу русской грамматики, не содержит разделы о спряжении имен и наречий; предложено ввести в морфологию кыргызского языка подзаголовки о спряжении существительных, прилагательных, числительных, местоимений и наречий или вынести категорию спряжения за пределы частей речи и рассмотреть как межчастеречную категорию. Показано, что в морфологии тюркских языков даются только стандартные парадигмы, совершенно отсутствуют материалы по дефектному, неполному, нестандартному спряжению. Руководствуясь принципом системности, языковеды забывают об его антиподе – асистемности. В работе приводятся и интерпретируются примеры, которые демонстрируют многотипность парадигм лично-предикативного спряжения в кыргызском языке и наличие в нем многочисленных отклонений от общих образцов. Например, собирательные числительные имеют парадигму лица только мн.ч., ЛМ допускают плеоназм, приобретая идентичные себе лично-предикативные аффиксы, а существительное *Марс* в прямом значении не спрягается, а в переносном, получив статус антропонима, свободно изменяется по формам лица.

Параграф **3.4 Системность и асистемность в тюркском лично-посессивном словоизменении** посвящается раскрытию сущности категории принадлежности в тюркских языках. В работе предложена более компактная модель описания лично-посессивного спряжения, содержащая только парадигму словоизменения. Общепринятая в тюркологии схема категории принадлежности «неморфологична», нелогична и включает в себя синтаксические факты – адъективные словосочетания и предикативно-предложенческие образования. Морфология получилась несистемной и межуровневой: она вобрала в себя материалы более высокого уровня или яруса языка – синтаксиса.

Асистемность лично-посессивного словоизменения проявляется в многообразии ее парадигм в разных тюркских языках, в асимметричности ее строения, в возможности параллельного функционирования вариантов и вариаций личных форм, в сосуществовании самых простых и очень сложных типов спряжения в разных языках, в наличии целого пласта лексических единиц, которые не изменяются по формам принадлежности, имея только формы 3 л., в функциональной соотносительности с синтаксическими образованиями.

В параграфе **3.5 О субъектно-объектном спряжении и семантическом переносе в суффиксальных морфемах языка** показано, что в морфологии глагола ряда языковых семей ностратических языков встречается категория субъекта и объекта, синтезирующая в себе многообразные лично-местоименные семы в составе своей парадигмы. В этих языках глагол

выступает в качестве носителя многочисленных субъектно-объектных лично-прономинальных значений. Например, в эрзя-мордовской словоформе *кундтан* «я тебя поймаю» суффиксальная морфема *-тан* передает значение «я тебя», в словоформе *кундасамизь* «вы меня поймаете / они меня поймают» морфема *-самизь* – значение «вы меня / они меня», в *кундасынк* «вы их поймаете» морфема *-сынк* – значение «вы их» и т.д. В работе демонстрируется наличие субъектно-объектных значений и в структуре семантики кыргызского глагола. Так, например, от существительных *иш* «работа, дело» и *тиш* «зуб» с помощью аффикса *-те* «ты» образуются императивы *иш-те* «работай, делай» и *тиш-те* «бери в зубы (зубами), откуси». А этот аффикс не одинок и сравнивается с личными прономинативами различных языков: коми (урал. гр.) *те* «ты», венг. *te/ten* «ты», чали (дард. гр.) *te* «ты», прованс. (ром. гр.) *te* «тебе» и т.д. К этому субъектному аффиксу *-те, -та...* «ты» может быть присоединен объектный аффикс *-т* «его/ее»: *иш-те-т* «заставь (ты его/ее) работать, обеспечить (ты-его/ее) работой», *тиш-те-т* «заставь (ты-его/ее) брать в зубы/зубами, позволь (ты-ему/ей) откусить», *баиш-та-т* «позволь (ты-ему/ей) начинать» и др. В этих примерах происходит семантическое переразложение: аффикс *-те* в сочетании с аффиксом *-т* теряет первичное значение и участвует в выражении нового, комплексного значения в виде «ты его/ее». В данном случае мы можем говорить о наличии субъектно-объектных аффиксов и в кыргызском языке, имеющих местоименное происхождение.

Выводы

1. Изучение соотношения системности и асистемности лично-прономинальных единиц языка позволило сделать некоторые **выводы**:

1) системность и асистемность являются двуединым, нерасторжимым свойством лично-местоименных парадигм в языке;

2) свойство асистемности пронизывает все аспекты и стороны эгоцентрического функционально-семантического поля;

3) эгоцентризм есть общекатегориальное, инвариантно-константное значение всех (субстантивных, адъективных, квантитативных, адвербиальных и др.) местоименных единиц языка;

4) системность-асистемность языкового знака проявляется в противоречивом единстве взаимодополняющих дихотомий «аналогия-аномалия», «симметричность-асимметричность», «стандартность-нестандартность», «правильность-неправильность (соответствие-несоответствие правилу)», «регулярность-исключительность», «типичность-атипичность» и других.

2. В процессе исследования получены **новые результаты**, вносящие новое в теорию и практику изучения лично-местоименных единиц языка:

1) обобщены, суммарно представлены универсальные основы и принципы изучения личных местоимений в языке, установлены исходные корни лично-прономинальных лексем;

2) с помощью метода оппозиций и типологического метода определены общеязыковые дифференциальные признаки противопоставления личных прономинативов;

3) выдвинуто и обосновано положение о единстве системности-асистемности личных прономинативов в языке во всех своих аспектах и ракурсах;

4) доказано, что ЛМ как самостоятельные, так и несамостоятельные (энклитические, суффиксальные, префиксальные, интерфиксальные и другие) обладают одновременно признаками системности и асистемности, симметричности и асимметричности, стандартности и нестандартности, однородности и неоднородности;

5) реконструированы архетипы личных и лично-указательных прономинативов в ностратических языках; определены фонетические варианты реконструированных праформ и их рефлексy в современных языках; дополнительно аргументировано положение об этимологических связях ЛМ 2-го и 3-го лица единственного числа, а также ЛМ 3-го лица и указательных местоимений в языках Евразии;

6) произведена реконструкция праформ личных и лично-указательных местоимений множественного числа; приведены дополнительные факты и аргументы в пользу гипотезы о происхождении этих местоимений в результате сочетания первичных корней единственного числа и приобретения ими в дальнейшем развитии комбинаторных значений: «я+ты», «я+он», «ты+ты», «ты+он» и т.д. – значений инклюзивности и эксклюзивности, двойственности и множественности;

7) раскрыта роль переименования языковых единиц – звуков, морфем и слов в отдалении друг от друга прежде родственных языков; определены и описаны типы такого переименования – метатеза, пермутация и хиазм; на большом фактическом материале доказано единство архетипов личных местоимений ностратических и северокавказских языков при всей контрастности их звукового облика и семантики; выявлены причины семантического переименования экспонентов 1-го и 2-го лица в этих языках и охарактеризованы основные типы и проявления такой пермутации;

8) определено единство симметричности-асимметричности в лично-прономинальной парадигме кыргызской морфологии; выдвинуто и обосновано положение о межчастеречном характере категории спряжения в тюркских языках;

9) в работе предложена более компактная модель описания лично-посессивного спряжения, содержащая только парадигму словоизменения; аргументируется идея о необходимости учета только морфологических признаков категории принадлежности; критически проанализирована модель смешения морфологической и синтаксической категорий в языке; показано, что ряд глагольно-залоговых аффиксов кыргызского языка имеет местоименное происхождение.

3. В перспективе разработки данной темы может быть достигнуто: 1) включение теории симметричности-асимметричности прономинативов в общую теорию системности-асистемности языкового знака; 2) внедрение идей и положений ностратики и результатов данного исследования в учебные курсы общего, сравнительного, сопоставительного и типологического языкознания; 3) апробация теории эгоцентрического функционально-семантического поля в учебном процессе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Зулпукарова, А.К. О «перекрещивании» семантики языковых единиц в процессе их развития [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Актуальные вопросы современных филологических исследований. - Ош, 1995. - С.102-105.

2. Зулпукарова, А.К. Национально-культурная и эмоционально-оценочная семантика в сфере местоименных лексем [Текст] / С.С. Сейитбекова, А.К. Зулпукарова // Тезисы и материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию эпоса «Манас» и памяти профессора К. Тыныстанова. – Каракол, 1995. – С.65-68.

3. Зулпукарова, А.К. Ностратические личные местоимения: реконструкция праосновы и образование форм не-единственного числа / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Государственный язык: проблемы изучения и исследования. Часть II. - Ош, 1996. - С.315-317.

4. Зулпукарова, А.К. О происхождении и развитии личных местоимений в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Сб. науч.тр. [Узген. ин-та технологии и образования Ошск. технол. ун-та]. - Ош; Узген, 2000. - Вып. 6. – С. 33-39.

5. Зулпукарова, А.К. Аномалии в местоименной парадигме [Текст] // Вестн. Ошск. гос. ун-та. - 2007. - №5. –С. 30-31.

6. Зулпукарова, А.К. О происхождении и развитии личных местоимений в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Вестн. Ошск. гос. ун-та. -2016. -№3. – Вып.2. – С.19-27.

7. Зулпукарова, А.К. Личные местоимения дагестанских языков в сравнении с ностратическими [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.М. Амирралиев, А.К. Зулпукарова // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2. Гум. науки. - 2016. – Том 31. - Вып. 4. - С. 43-39.

8. Зулпукарова А.К. О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура. – М.: РУДН, 2016. – С. 284-293.

9. Зулпукарова, А.К. Дискуссионные вопросы этимологии тюркских лично-местоименных корневых морфем [Текст] / М.А. Атакулова, А.К. Зулпукарова // Вестн. Ошск. гос. ун-та. -2017. – Спец. вып. –№5. – С.42-49.

10. Зулпукарова, А.К. О парадигматическом единстве личных и указательных местоимений [Текст] // Вестн. Ошск. гос. ун-та. -2017. – Спец. вып. –№5. – С.89-91.

11. Зулпукарова, А.К. Прономинативы в языке: общие свойства и эгоцентризм семантики [Текст] / М.А. Атакулова, А.К. Зулпукарова // Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник. – Белгород. – 2017. – №3. – С.21-29.

12. Зулпукарова, А.К. Лично-предикативное спряжение в тюркских языках [Текст] / Н.О. Турганбаев, А.К. Зулпукарова // Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований. – Белгород, 2018. – С.66-71.

13. Зулпукарова, А.К. Системность и асистемность в лично-прономинальной парадигме языка [Текст] / А.К. Зулпукарова / - Ош, 2018. – 259 с.

Зулпукарова Аида Капаровнанын «Тилдин жактык-прономиналдык парадигмасындагы асистемалуу кубулуштар» аттуу темада 10.02.20 – тектештирме-тарыхый, типологиялык жана салыштырма тил илими адистиги боюнча филологиялык илимдердин кандидаты окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертациясынын

резюмеси

Негизги сөздөр: жактама ат атоочтор, жактык-прономиналдык парадигма, жактык-предикаттык сөз өзгөртүү, жактык-посессивдик сөз өзгөртүү, субъект-объектик жакталыш, дейктикалык бөлүкчөлөр, симметриялуулук и асимметриялуулук, системалуулук-асистемалуулук.

Изилдөөнүн объектиси – тилдеги ат атоочтор жана жактама мүчөлөрү.

Изилдөөнүн предмети – ностратикалык тилдерде, алардын ичиндеги түрк тилдеринде, жактама ат атоочтордун жана мүчөлөрдүн келип чыгышы, өнүгүүсү жана колдонулушу.

Изилдөөнүн методдору: фактыларды топтоо, жыйноо, каталогдоштуруу, системалаштыруу жана чечмелөө, которуу, талдоо, байкоо (эмпирикалык методдор), оппозиция методу, реконструкциялоо, салыштыруу, анализ, синтез, моделдештирүү, аналогия (теориялык методдор).

Изилдөөнүн натыйжалары жана алардын жаңылыгы: 1) тилдеги жактама ат атоочтук парадигмага ирилештирилген-синтездештирилген аныктама сунушталды жана негизделди; 2) ностратикалык тилдердеги прономинативдердин архетиптери реконструкцияланып берилди; ностратикалык жактама жана шилтеме ат атоочторунун курамындагы кай бир анормалдык же эрежеден четтөөчү кубулуштар аныкталды жана сыпатталды; 3) жактама жана шилтеме ат атоочтордун эзелки формаларын тикелөө менен алардын жекелик эмес түрүнүн жасалышынын негиздүү модели иштелип чыкты; 4) кызматы боюнча жакын тилдик бирдиктердин семантикалык жактан «кайчылашуу» мүмкүнчүлүгү ачыкталып сунушталды; 5) курамында жактама ат атоочтору жана аффикстери бар жактык-прономиналдык парадигманын түзүлүшү тилдик белгилердин системалуулук жана асистемалуулук жобосуна багынычтуулугу аныкталып, мүнөздөмөгө

алынды; 6) субъект-объекттик жана посессивдик-предикативдик катыштардын логикасынын жактык-прономиналдык парадигманын түзүмүнө жана бүтүндүгүнө тийгизүүчү таасири көрсөтүлдү; 7) түрк тилдериндеги парадигмалардын симметриясын бузуучу жана түрдүү факторлор менен түшүндүрүлүүчү жактык-предикаттык, жактык-посессивдик сөз өзгөртүүдөгү эрежеден четтеген жана анормалдык көрүнүштөгү фактылар аныкталды.

Иштин натыйжаларынын колдонуу чөйрөсү: андагы фактылар, тыянактар жана жоболор, ЖОЖдордогу филология факультеттериндеги окуу процессинде, жалпы тил илими, типология, салыштырма тил илими, түркология сабактарында колдону алат.

Резюме

диссертации Зулпукаровой Аиды Капаровны на тему «Асистемные явления в лично-прономинальной парадигме языка», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Ключевые слова: личные местоимения, лично-прономинальная парадигма, лично-предикативное спряжение, лично-посессивное словоизменение, субъектно-объектное спряжение, дейктические частицы, симметричность и асимметричность, системность-асистемность

Объект исследования – личные местоимения и лично-местоименные аффиксы в языке.

Предмет исследования – происхождение, развитие и функционирование личных местоимений и аффиксов в ностратических языках, в том числе – в тюркских.

Методы исследования: сбор, каталогизация, систематизация и интерпретация фактов, перевод, разбор, наблюдение (эмпирические методы), метод оппозиций, реконструирование, сравнение, сопоставление, анализ, синтез, моделирование, аналогия (теоретические методы).

Полученные результаты и новизна исследования: 1) предложено и обосновано укрупненно-синтезирующее определение лично-прономинальной парадигмы в языке; 2) осуществлена реконструкция архетипов прономинативов в ностратических языках; определены и описаны некоторые отклонения и анормальные явления в составе ностратических личных и указательных местоимений; 3) осуществлена реконструкция праформ ЛМ; разработана модель образования не-единственного числа личных и указательных прономинативов; 4) введено понятие «перекрещивание» семантики функционально близких языковых единиц; 5) выявлена и охарактеризована зависимость структуры лично-прономинальной парадигмы, включающей в себя личные местоимения и соответствующие аффиксы в составе словоформ, от принципа системности и асистемности языкового знака; 6) продемонстрировано влияние логики субъектно-

объектных и посессивно-предикативных отношений на состав и полноту лично-прономинальной парадигмы языка; 7) выявлены существенные отклонения и аномальные факты в тюркском лично-предикативном и лично-посессивном словоизменении, разрушающие симметрию парадигм и объяснимые различными факторами.

Область применения результатов работы: фактический материал, выводы и положения, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в учебном процессе на филологических факультетах вузов республики, в курсах общего, сравнительного, сопоставительного и типологического языкознания, при написании квалификационных, магистерских и кандидатских диссертаций.

Resume

of the dissertation Aida Kaparovna Zulpukarova on the theme “Asystem phenomena in the personal-nominal language paradigm” on the specialty 10.02.20 – comparative-historical, typological and comparative linguistics.

The dissertation is submitted for the degree of Candidate of Philology

Key words: personal pronouns, personal-nominal paradigm, personal-predicative conjugation, personal-possessive inflection, subject-objective conjugation, deictic particles, symmetry and asymmetry, systematic-asystem.

The object of the research is personal pronouns and personal pronominal affixes in the language.

The subject of the research is the origin, development and functioning of personal pronouns and affixes in Nostratic languages, including Turkic ones.

Research methods: collection, cataloging, systematization and interpretation of facts, translation, analysis, observation (empirical methods), opposition method, reconstruction, comparison, analysis, synthesis, modeling, analogy (theoretical methods).

The results obtained and the novelty of the research: 1) an integrated-synthesizing definition of the personal-nominal paradigm in the language have been proposed and substantiated; 2) the reconstruction of the archetypes of the proponies in the Nostratic languages have been carried out; certain deviations and abnormal phenomena in the composition of the nostratic personal and demonstrative pronouns have been identified and described; 3) the reconstruction of the pro-forms of PP have been implemented; a model of the formation of a non-singular number of personal and demonstrative proponies have been developed; 4) the concept of “crossing” of semantics of the functionally close language units have been introduced; 5) the dependence of the structure of the personal-nominal paradigm, including personal pronouns and corresponding affixes in the composition of word forms, on the principle of consistency and asystem of the linguistic sign, has been identified and characterized; 6) the influence of the logic of subject-objective and possessive-predicative relations at the composition and completeness of the personal-nominal paradigm of the language has been

demonstrated; 7) have been revealed significant deviations and abnormal facts in the Turkic personal-predicative and personal-possessive inflection, destroying the symmetry of paradigms and explained by various factors.

Sphere of use: factual material, conclusions and provisions contained in the thesis can be used in the educational process at the philological faculties of universities of the republic, at courses of common, comparative, comparative and typological linguistics, in the writing qualifying, master's and candidate dissertations.